

みんなくりポジトリ

国立民族学博物館学術情報リポジトリ National Museum of Ethnology

ТУВИНЦЫ МОНГОЛИИ И КИТАЯ : Р а с с е л е н и е , ч и с л е н н о с т ь и р о д о п л е м е н н о й с о с т а в

メタデータ	言語: rus 出版者: 公開日: 2011-01-28 キーワード (Ja): キーワード (En): 作成者: М. В., М о н г у ш メールアドレス: 所属:
URL	https://doi.org/10.15021/00001053

Глава 1У. ТУВИНЦЫ МОНГОЛИИ И КИТАЯ

1. Расселение, численность и родоплеменной состав

Вопросы формирования тувинских этнолокальных групп в Монголии и Китае, как, впрочем, и многие другие, касающиеся их этнографических и лингвистических характеристик, не нашли комплексного отражения в трудах российских исследователей. В связи с этим перед нами стоит задача освещения проблемы расселения, численности и родоплеменного состава тувинцев на данных территориях. Кроме того, необходимо определить территорию размещения этнолокальных групп тувинцев, живущих дисперсно за пределами Республики Тыва.

Поскольку мы не можем достоверно обозначить дату появления тувинцев в местах их настоящего расселения, условно примем за точку отсчета вторую половину XVIII в., т.е. время установления господства Цинской династии Китая на обширной территории Центральной Азии. Именно с этого времени встречаются первые упоминания о тувинцах, которые, как утверждают источники, отличались тем, что предпочитали жить в труднодоступных лесистых горных местностях.

Однако еще гораздо раньше, в XVII – первой половине XVIII в., во времена правления монгольских государств Алтын-ханов и Джунгарии, кочевья тувинских племен «охватывали огромную территорию, включающую ряд горных систем и хребтов: Русский и Монгольский Алтай, Западный и Восточный Саяны, Танну-Ола и др. Районы кочевий тувинцев на севере достигали бассейна верхнего течения Оби и Минусинской котловины, на юг они простирались через Монгольский Алтай до верховьев Урунгу, Черного Иртыша, на востоке доходили до озера Косогол, а на запад через Алтай достигали реки Иртыша». Имеются также сведения о более ранних появлениях тувинцев в этих краях, а также об их участии в междоусобных войнах, то и дело вспыхивавших между монгольскими удельными князьями (История Тувы 1964:174, 216).

Но эти ранние перемещения тувинцев на бескрайних просторах Центральной Азии в силу своей стихийности и нерегулярности не могли способствовать образованию этнолокальных групп тувинского населения. Поэтому говорить о начале формирования этнической общности тувинцев и их этнолокальных групп мы можем лишь применительно к началу XVIII в., когда сложились объективные предпосылки, с одной стороны, для процесса этнической консолидации тувинцев, с другой — их активных

передвижений, обусловленных сложным ходом исторических событий в этом регионе.

Наиболее дисперсно расселены тувинцы в Монголии: в сумонах Цэнгэл и Буянт Баян-Улэгэйского аймака; в сумоне Буянт (сумоны с одноименным названием Буянт имеются в Баян-Улэгэе и Кобдо) Кобдоского аймака; в сумоне Цагаан-Нур Хубсугульского аймака; в сумоне Алтанбулаг Селенгинского аймака; в сумоне Заамар Центрального аймака.

Они живут в этих местах испокон веков, о чем свидетельствуют результаты исследований Х.Ц. Ральдина (1968:32), Ю.Л. Аранчына (1975:212-218), М.Х. Маннай-оола (1995:57), согласно которым в 1757 г. тувинские племена, кочевавшие южнее хребта Танну-Ола вплоть до верхнего течения реки Кобдо, были разобщены с основным массивом тувинцев, обитавших в бассейне Верхнего Енисея, так как район Убсу-Нура и Кобдо был заселен дербетами, пришедшими из Джунгарии, с верховьев Иртыша. Маньчжуры расселили дербетов в местности Заг и Байдаг, однако после разгрома Джунгарского ханства Цинской династией по распоряжению маньчжурских властей Богдо-гэгэн Джебцун Дамба хутухта переселил их в район Убсу-Нура, в результате чего тувинцы, кочевавшие к югу «от линии монгольских караулов» и получившие наименование «алтайские урянхайцы», оказались оторванными от своего основного этноса в административно – территориальном отношении (Маннай-оол 1995:57).

Позже алтайские урянхайцы в числе 7 кожуунов, состоящих из 28 сумонов, жили в Западной Монголии и до 1907 г. непосредственно подчинялись кобдоскому хэбей-амбыну. Многие из них омонголились еще в конце XIX в. Упоминания о них и других группах тувинцев встречаются у известного исследователя Северо-Западной Монголии Г.Н. Потанина: «По всей южной границе Урянхайского земли мы встречаем поколения или отделы народа, которые чертами своего быта заставляют видеть в себе омонголившихся тюрков: так, жившие в долине Шишкита дархаты, по-видимому, не что иное, как омонголившиеся урянхайцы; за таких же омонголившихся тюрков можно принять и население пяти хошунов Хотогойту, а затем и небольшой хошун Мингатов на северном берегу р. Кобдо и, наконец, обитающий в западной части Монгольского Алтая, между вершинами рек Кобдо и Сенкуля... под названием урянхайцев, говорящих монгольским языком (т.е. алтайских урянхайцев)...» (1883:653-654).

В настоящее время местами наиболее компактного проживания тувинцев являются сумоны Цэнгэл, Цагаан-Нур и Буянт (в Кобдоском аймаке). К территории Тувы ближе всех расположены сумоны Цэнгэл и

Цагаан-Нур; первый примыкает к Монгун-Тайгинскому кожууну, второй – к Тоджинскому. Многие тувинцы, живущие в этих сумонах, утверждают, что раньше, когда еще не было установлено государственных границ между Тувой, т.е. Россией и Монголией, их земли считались частью тувинской территории. Установление границ между двумя странами привело к тому, что они оказались на монгольской территории.

По другим данным, отделение территории Хубсугула от Тувы произошло значительно раньше. Согласно источникам, Хасутский, т.е. Хубсугульский кожуун Тувы во времена господства Цинской династии находился в районе озера Косогол и действительно считался частью тувинской территории. Однако правителями этого кожууна цинские власти назначали не тувинцев, а монголов, которым в 1878 г. удалось добиться специальной печати от улясугайского генерал-губернатора (цзянь-цзюнь), что в значительной степени облегчало усилия монголов по включению земель Хасутского кожууна в состав Северной Монголии. Позже Всетувинский учредительный Хурал, состоявшийся 13-16 августа 1921г. и провозгласивший образование Тувинской Народной Республики, постановил: «Хасутский кожуун, живущий в Монголии, исключить из состава народа Танну-Тувы...» (Маннай-оол 1995:63).

Интересный и весьма показательный факт по этому поводу приводит П.Серен. Находясь в 1991 г. среди хубсугульских тувинцев, она встретила людей, которые имели при себе старую карту Тувы, на которой Хубсугульский кожуун фигурировал как часть тувинской территории (2000:6).

Кобдоский аймак, где также живут тувинцы, находится сравнительно далеко от территории Тувы. Из китайских источников известно, что тувинские племена, находившиеся под владычеством Алтын-ханов, кочевали не только на территории современной Тувы, но и южнее, вплоть до Кобдо, а восточнее – до озера Косогол (рус. Хубсугул) (История Тувы 1964:200). Известный тувинский историк Ю.Л. Аранчын, впервые посетив кобдинских тувинцев в 1974 г., признал в них осколки тувиноязычных племен, когда-то входивших в состав западного крыла урянхайцев, состоявшего из 9 кожуунов, которые во времена разгрома маньчжурами Джунгарского ханства были не только отрезаны от кожуунов восточных урянхайцев, но и рассеяны на мелкие разобщенные группы (1975:234).

Наши данные дают основание полагать, что пополнение тувинского населения в этом регионе происходило также за счет притока тувинцев из других мест. Наш информант Уламсурэнгийн Цэцэгдарь (1972г. рождения, уроженка г.Кобдо Монголии) сообщила, что ее бабушка и дед по материнской линии родились и выросли в Синьцзяне – они жили там

около рек Ээви и Кок Дугай. В 1930-40-х годах в этом регионе участились вооруженные столкновения между казахским населением и китайскими военными, в результате которых жившие с казахами тувинцы (свыше 100 домохозяйств) вынуждены были бежать в соседнюю Монголию. Здесь они присоединились к кобдинским тувинцам и осели среди них навсегда.

Группу тувинцев, живущих в Кобдоском аймаке, в литературе часто называют мончак-урянхайцами или кокчулутанами. С.И. Вайнштейн и Э.Таубе предложили именовать их кобдинскими тувинцами (1984:234), считая это название наиболее правильным, с чем трудно не согласиться.

В Селенгинском и Центральном аймаках Монголии тувинцы оказались в результате вынужденных переселений, имевших место в 1960-70-х годах. В 1963 г. был ликвидирован самостоятельный тувинский сумон Цэнгэл в Баян-Улэгэйском аймаке. Он был объединен с сумоном Ак-Хем, где в основном жило казахское население, и с тех пор перестал быть моноэтническим населенным пунктом. М.Х. Маннай-оол по этому поводу пишет: «Это оказало отрицательное влияние на тувинцев, составлявших меньшинство вновь созданного сумона. Все ключевые посты и основные рабочие места заняли казахи, и многие тувинцы оказались безработными» (1995:58).

Однако казахи лишили тувинцев не только рабочих мест, но и плодородных пастбищ, без которых дальнейшее пребывание их в этих краях теряло смысл. В поисках работы многие тувинские семьи, свыше 1100 человек, покинули Цэнгэл. Они перебрались в другие аймаки страны, прежде всего в Селенгинский и Центральный, в которых по специальной государственной программе предусматривалось ускоренное социально-экономическое развитие, и следовательно, местное руководство нуждалось в дополнительной рабочей силе.

Многочисленные попытки цэнгэльских тувинцев обратить внимание правительства Монголии на свое бедственное положение в течение длительного времени не приносили желаемых результатов. В начале 1990-х годов около 40 семей предприняли отчаянную попытку: они написали официальное письмо правительству Тувы с просьбой предоставить им право на постоянное жительство в республике.

Из-за невозможности решить этот вопрос на республиканском уровне (для этого требуется разрешение федеральных органов), письмо было переадресовано в вышестоящие инстанции в Москве, откуда, к сожалению, никакого ответа не последовало. Тогда на положение цэнгэльских тувинцев откликнулся их земляк, известный монгольский писатель тувинского происхождения Чинагийн Галсан, в прошлом выпускник Лейпцигского Университета Германии. Он в 1995 г. за счет личных средств организовал

переезд 36 семей из сумонов Заамар и Алтанбулаг снова в Цэнгэл, что в определенном смысле было вызовом монгольским властям. Они возвращались на верблюдах в течение месяца, преодолев 2 тыс. км. Все это время немецкие документалисты снимали публицистический фильм о них, который позже, выйдя на экраны страны, вызвал большой резонанс у монгольской общественности. Благодаря этому прецеденту отток тувинского населения из Баян-Улэгэйского аймака прекратился.

Осенью 2003 г. Чинагийн Галсан посетил Республику Тыва с деловым визитом, где встретился с местными представителями научной и творческой интеллигенции. Рукописному фонду Тувинского института гуманитарных исследований он преподнес в дар собрание своих книг, изданных в Монголии и Германии, а также кассету с фильмом немецких документалистов.

Достоверных сведений о численности тувинского населения в Монголии, к сожалению, не существует. Наши данные по этому вопросу недостаточны и требуют дальнейших уточнений. В 1966 г. немецкая исследовательница Э.Таубе установила, что в сумоне Цэнгэл проживает около 2400 тувинцев (1994:8). М.Х. Маннай-оол, оказавшись среди них в начале 1990-х годов, зафиксировал 232 домохозяйств (*ореге*) (1995:58). По последней переписи населения сумона, которое проводилось в июне 1999 г., всего в Цэнгэле проживало 7600 человек, из них 2000 тувинцев, на долю которых приходилось 500 домохозяйств.

В настоящее время во всем Баян-Улэгэйском аймаке в общей сложности насчитывается около 700 тувинских домохозяйств (РФ ТИГИ, д.1198, л.1). Если предположить, что каждое домохозяйство в среднем состоит из 5-6 человек, то численность тувинцев в этом аймаке составляет примерно 4 тыс. человек.

По мнению наших информантов, численность тувинцев в Кобдоском аймаке не превышает 2500 человек. Приблизительно 1000 тувинцев проживает в Хубсугульском аймаке (РФ ТИГИ, д.1198А, л.23, 27). О численности тувинцев в других аймаках почти ничего неизвестно.

По данным, полученным из неофициальных источников, всего в Монголии проживает около 20 тысяч тувинцев, но, как уточнил наш информант Гаагийн Золбаяр (1966 г. рождения, уроженец Цэнгэла), в это число входят и те, кто сохранил по сей день свой родной язык (по предварительным подсчетам, это не более 8 тыс. чел.), и те, кто давно утратил его, но продолжают при этом осознавать себя тувинцами.

Наши попытки уточнить численность тувинцев по данным переписи населения не увенчались успехом, поскольку выяснилось, что до недавнего времени их в паспорта записывали либо урянхайцами, либо уйгурами,

либо казахами, а иногда и монголами. Как нам объяснили, желание некоторых тувинцев записаться монголами чаще всего возникает в связи с осознанием ими низкого статуса своей этнической группы по сравнению с другими. Отсюда избегание демонстрации своей этничности, отказ от нее, а иногда и вообще отрицание всякой этничности. Л.М.Дробижева называет подобное явление «этноущемленной идентичностью», оно часто присуще именно представителям малых этносов (1994:34-37).

Наряду с этим следует отметить, что с начала 1990-х годов у тувинцев в Монголии наметилась другая тенденция – их по их собственному желанию стали записывать тувинцами. Их самоназвание «тыва» в зависимости от локализации той или иной этнической группы имеет специфическое фонетическое звучание: *дьыва* – у цэнгэльских тувинцев, *дыва* – у кобдинских, *туха* – у хубсугульских. Последние известны в литературе также под названием цаатаны (от монг. *цаа* – олень), которое им дали соседние народы по роду их основного занятия – оленеводства. По данным 2003 года, приблизительно 200 цаатанов занимаются этим видом хозяйства; им принадлежит свыше 650 голов северных оленей (Содном, Пурэв, Пламли 2003:21). Американский исследователь А.Веллер, живший и работавший среди *туха*, утверждает, что не все они оленеводы, есть среди них и небольшая группа скотоводов, поэтому во избежание путаницы он предлагает всех хубсугульских тувинцев называть *туха*, а не цаатаны. При этом он приводит следующий аргумент: не может род деятельности, т.е. оленеводство, быть этнонимом, самоозначением народа (Wheeler 1999:60). Однако этот довод не убедителен, поскольку известны случаи, когда именно род деятельности становился этнонимом народа (Чеснов 1970:46-50; 1978:14-31).

По сравнению с Монголией для Китая характерно относительно более компактное расселение тувинцев. Они в основном сосредоточены на территории Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района; основная их часть проживает на крайнем северо-востоке Или-Казахского автономного округа, преимущественно в уездах Каба и Бурчин, а также в уездах Алтай, Чингиль, Кок-Дугай и Бурул-Дугай (Монгуш 1997:5).

В Китае тувинцев называют «кок-мончаками» или просто «мончаками», хотя они сами себя называют «тыва». Есть предположение, что первыми их так начали называть казахи, после чего это название закрепилось в качестве самоназвания народа.

В научной литературе «кок-мончак» переводят как «синие ожерелье» (Решетов 1990:177), а иногда «голубые шнуры» или «голубые ленты» (Таубе 1994:6). По одной популярной версии, когда-то тувинцев отличали

от других народов этого региона по синим лентам, которые они носили на шее, отсюда якобы и произошло название «кок-мончак». Поэтому иногда называя китайских тувинцев «кок-мончаками» или «мончаками» мы будем иметь в виду конкретную группу тувинцев, проживающую на территории Китая.

В разных источниках встречаются утверждения о том, что тувинцы живут в Синьцзяне уже по крайней мере два столетия. Русский путешественник М. И Венюков, посетив эти места в 1871 г., отметил, что немногочисленная группа урянхов (тувинцев - М.М.) живет в долинах правых притоков Черного Иртыша и их численность не превышает 1000 человек (1871:343). Известный исследователь Средней Азии С.М. Абрамзон, исследуя этногенез киргизов, проживающих в Китае, установил, что в их этнический состав вошла небольшая группа тувинцев, принадлежащая к потомкам енисейских кыргызов, которая еще в начале XVIII в. была уведена джунгарами с Енисея в Синьцзян (1961:121).

По мнению Э. Таубе, тувинцы изначально проживали не только на территории современной Тувы, но гораздо обширнее – на Монгольском и Китайском Алтае. Однако доподлинно известно, что в конце XVII в. небольшая группа тувинцев действительно обитала на территории Синьцзяна. Это было время, когда в Центральной Азии заметно ослабло влияние монголов, хотя они еще продолжали играть заметную роль в судьбах народов данного региона. Особое положение в этот период занимали западные монголы (ойраты): они имели довольно сильное государство – Джунгарское ханство, возникшее в 1635 г. и занимавшее территорию Джунгарии – северную часть современного Синьцзян-Уйгурского автономного района и западные части нынешней Монголии (1994:6). Территория Тувы также частично входила в состав Джунгарского ханства.

В конце XVII в. между Джунгарским ханством и Цинской династией Китая сложились особые отношения: участились раздоры и военные столкновения между джунгарским Галдан-ханом (1671-1697 гг.) и цинским императором Канси (1662-1722 гг.). Тувинское население, в одинаковой мере зависимое как от ойратов, так и от маньчжуров, было вовлечено в эту междоусобную борьбу, которая в конечном итоге завершилась победой Цинской династии. В результате разгрома Джунгарского ханства небольшая часть тувинского населения оказалась на смежных территориях – на Монгольском и Китайском Алтае.

Во времена правления императора Цянлуна (1736-1795 гг.) цинские власти стали внедрять новую административную систему, путем деления своей территории на сумоны, хошуны и аймаки, в основе которой лежала

испытанная веками родоплеменная структура. Самой низкой административной единицей был сумон, насчитывающей от 50 до 100 дворов, т. е. по существу, один большой род. А.М.Решетов приводит интересные сведения, согласно которым первоначально существовало семь тувинских сумонов, входивших в три хошуна. В мае 1762 г. вместо трех хошунов было создано семь под предводительством Чадака, но в декабре того же года их объединили в два аймака: аймак левого крыла во главе с Чадаком и аймак правого крыла во главе с Тубшином. Первый аймак состоял из четырех хошунов: Бээзи хошун левого крыла, Ак Соян, Кара Соян и Майлэнгай. Второй аймак включал в свой состав три хошуна: Бээзи хошун правого крыла или *Дорт сумон* (курсив – авт.) хошун, Кок - Мончак и Шалулэ. Бээзи хошун левого крыла был самым большим, он включал шесть сумонов, а наименьшими были хошуны Ак Соян и Кара Соян, которые включали только по два сумона (1990:177).

Во время полевой работы нам неоднократно приходилось слышать о четырех сумонах (Дорт сумон), о которых упоминает А.М. Решетов. По мнению некоторых информантов, три из них были тувиноязычными, а один – монголоязычный, отсюда, собственно говоря, и произошло деление китайских тувинцев на тувиноязычных и монголоязычных. Последних в литературе часто называют «алтайскими урянхайцами».

В начале XX в. наблюдалось переселение отдельных тувинских семей из Тувы в Синьцзян. Предки одного из наших информантов, Даша Оронбая (1962 г. рождения, уроженец Кома), переехали в Китай в 1913 г., т.е. через два года после падения господства маньчжуров на территории Тувы. Они, по его словам, были родом из Ак-Довурака – нынешнего административного центра Барун-Хемчикского кожууна Республики Тыва.

Несколько семей бежали из Тувы в 1920-1930-х гг., в частности, из-за того, что не приняли народную революцию 1921 г. Первоначально они проникли в Монголию, где какая-то их часть осела, а другая перебралась в Синьцзян. В Центральном архиве документов партийных и общественных организаций (ЦАДПОО) РТ мы нашли документ (ф.1, оп.1, д. 1803, л.28-31), составленный сотрудником секретной службы Комитета госбезопасности Тувинской Народной Республики, который по специальному заданию под псевдонимом Чойган проник осенью 1935 г. к тувинцам в Синьцзян. Цель его поездки заключалась в сборе подробной информации о своих бывших соотечественниках. В его секретном донесении говорится, что в местности Шар-Суме обосновались пять сбежавших из Тувы мужчин – Парыймаа, Алдын-Херел, Ортун-оол, Эзир-оол и Тучумей. Живут все вместе в одной палатке, имеют 4 коней, 10 овец и 2 коз. Сеют пшеницу. Живут бедно, питаются скромно.

Недалеко от них, около реки Монгайт живет лама Идам-Сюрюн. Он женился на овдовевшей алтайке, у которой от первого брака остался сын. Они имеют коня, свыше 10 голов овец и коз. Идам-Сюрюн всегда носит монашескую одежду; в доме бережно хранит несколько буддийских сутр и изображение божества Чамзырын, которые в свое время вывез из Тувы.

Там же живут Аракчаа, Лопсан, Чымба-Хунду. Последний довольно грамотный человек, преподает монгольский язык. За работу в месяц получает 40 кг муки. Чымба-Хунду очень добротен одет, опрятен, но всегда грустен.

В местности Хандагаты живут братья Тундуу и Тоонек. Внешне производят впечатление вполне благополучных людей. Имеют двух крепких лошадей, живут вместе с алтайцами. Очень скучают по Туве. Тундуу в округе слывет шаманом, к нему за помощью обращаются местные жители.

Недалеко от них живет некий Таваакай. Кроме коня у него ничего нет, влачит жалкое существование. Около реки Чингиль в местности Кок-Дугай обосновался Соломбул. Он редко общается со своими земляками, поэтому о нем мало что известно. Там же на реке Чингиль жил Мартаажык со своей женой. Он часто воровал, а недавно убил начальника монгольского гарнизона, за что был арестован и сослан в Улан-Батор для судебного разбирательства. Маловероятно, что он оттуда вернется обратно.

Тувинские беженцы в Синьцзяне оказались под властью местного нояна Шаракпана, казаха по национальности. Его власть была неограниченной, он имел право единолично решать, кого наказать, кого помиловать, кого поощрить; он же разбирал судебные тяжбы. Последнее слово всегда оставалось за ним. Его поддерживали власти в Урумчи, с которыми Шаракпан связывался через рацию.

Чтобы прокормить себя, тувинцы шли работать к богатым казахам. Они целыми днями пасли их стада, но, вернувшись поздно вечером, часто оставались не накормленными.

Донесение Чойгана, хотя и содержит указания на целый ряд драматических моментов, оно, как нам кажется, очень верно отражает реалии тех лет: бурные политические события, захлестнувшие сначала Россию, затем Туву, Монголию и Китай, заметно активизировали миграционные процессы. Э. Таубе, отмечает, что среди ее информантов были и те, которые родились в районе южнее Алтайского хребта, т.е. в Синьцзяне, а позже вследствие «культурной революции» перебрались из Китая на территорию Монголии. Она также отмечает, что между тувинцами Китая и Монголии, несмотря на государственные границы, вплоть до середины прошлого века существовали постоянные контакты

(1994:8), которые, к сожалению, впоследствии значительно ослабли.

Следует также заметить, что монгольские, так и китайские тувинцы при определении своей групповой принадлежности идентифицируют себя в соответствии с районами выхода при переселении их самих, либо их предков. Часто тувинцы определяют себя монгольскими и китайскими, но это определение, как нам показалось, не универсально, о чем свидетельствуют случаи этнической самоидентификации цэнгэльскими, кобдинскими и пр., т.е. по месту проживания: в Цэнгэле, Кобдо и т.д. Э. Таубе по этому поводу отмечает, что алтайские тувинцы делят себя по территориальному признаку на «тувинцев алтайского направления» (алдай чьуктун дывазы), живущих южнее Алтайского хребта, на территории, принадлежащей Китайской Народной Республике, и на «тувинцев кобдинского направления» (Хомду чьуктун дывазы), живущих севернее Алтайского хребта, в верховьях р. Кобдо, на монгольской территории. Тувинцев из Тувы они называют «танды-тувинцами», т.е. «те, кто живет около гор Танну-Ола» (1994:6). Это позволяет говорить о наличии у них этнолокального самосознания, хотя есть вероятность, что со временем, по мере утраты будущими поколениями осознания своей причастности к тувинскому этносу, с одной стороны, и ускорения процесса этнической ассимиляции со стороны других этносов — с другой, этот уровень этнического самосознания если не исчезнет окончательно, то, во всяком случае, значительно ослабнет.

Вопрос о численности китайских тувинцев является одним из самых сложных и запутанных, так как китайская статистика не выделяет их в качестве самостоятельной народности. По этой причине они не включены в официально утвержденный список народов страны (см. Xinjiang 1989:114). Поэтому неудивительно, что в научной литературе часто приводятся весьма разноречивые данные о численности китайских тувинцев.

По данным китайского исследователя Хэ Синляня, в начале XX в. на территории Синьцзяна проживало около 13 тысяч мончаков (1986:66). В настоящее время их численность по одним источникам составляет около 1 тыс. чел., по другим – от 2500 до 3000 чел (Восточный Туркестан 1992:415). Некоторые авторы ссылаются на данные всекитайской переписи населения 1982 г., согласно которым на территории СУАР проживает более 4 тыс. мончаков, из них в уездах Алтай – 1700 чел., Бурчин – около 1300 чел., Чингиль – свыше 500 чел., Каба – свыше 400 чел., Кок-Дугай – свыше 200 чел., Бурул-Дугай – свыше 100 человек (Сат, Доржу 1989:5; Решетов 1990:178). Но в данном случае некоторое сомнение вызывает тот факт, что мончаки, будучи непризнанными в качестве самостоятельной

народности, оказались в списке народов, подлежащих переписи. От китайских коллег в форме устной информации мы получили другие данные об их численности – от 2332 до 3700 чел.

Более подробную информацию приводит А.М. Решетов. По его приблизительным подсчетам, которые сделаны на основе результатов китайских исследователей, во времена правления императора Цяньлуна насчитывалось до 2745 тувинских дворов. «Если предположить, – пишет он, – что каждый двор состоял из 4 человек, то окажется, что в конце XVIII в. их было около 11 тысяч человек. Даже если эти цифры и занижены, то все равно есть основание говорить о начавшемся процессе этнической ассимиляции» (1990:178).

По данным на 1983 г., в Бээзи хошунах левого и правого крыла насчитывалось свыше 200 дворов; в хошуне Ак - Соян – свыше 30 дворов; в хошуне Кара - Соян – свыше 130 дворов; в хошуне Майлэнгай – свыше 10 дворов; в хошуне Кок - Мончак – свыше 200 дворов; в хошуне Шалулэ – около 10 дворов. По лингвистическим данным, население хошунов Кок - Мончак, Ак - Соян и Кара - Соян говорит по-тувински. Численность их – свыше 360 дворов, т.е. около 2 тыс. чел. Проживают они главным образом в уездах Каба и Бурчин. Население других четырех хошунов (Бээзи левого и правого крыла, Майлэнгай и Шалулэ) преимущественно монголоязычное. Численность их свыше 2 тыс. чел. Являясь по происхождению тувинцами, они утратили тувинский язык и считают монгольский своим родным языком. Исследования А.М. Решетова показали, что тувинцы, теряющие полностью свой язык, как правило, перестают считать себя тувинцами. Их обычно называют не кок-мончаками, а алтайскими урянхайцами. Они противопоставляют себя тюркоязычным мончакам и считают себя самостоятельной этнической группой (1990:178-179).

Подобная ситуация, безусловно, затрудняет выяснение не только реальной численности тувинцев, но и этнической принадлежности некоторых этнографических групп. К счастью, наши исследования велись исключительно среди тувиноязычных мончаков, которые осознают себя частью тувинского этноса. В результате опроса выяснилось, что в паспорта мончаков записывают вовсе не мончаками, как их обычно именуют, а монголами, к чему они сами относятся вполне спокойно. Поэтому установить реальную численность тувинского населения в Китае практически невозможно. В этом случае целесообразно полагаться на мнение самих тувинцев, которые считают, что их численность на сегодняшний день не превышает 4 тыс. чел.

Если эти данные сравнить с данными более раннего периода,

получается, что во времена Цинской династии численность тувинцев в Синьцзяне была максимальной, т.е. около или чуть больше 10 тыс. чел. Живя длительное время в иноэтничной среде, они постепенно подверглись процессу естественной ассимиляции, в результате которого какая-то часть тувинского населения полностью потеряла свой родной язык и вошла в состав других народов. Часть тувинцев, которые сейчас известны как кок - мончаки, сумели избежать полной ассимиляции, но из-за своей малочисленности они в буквальном смысле затерялись среди более многочисленных народов, что вполне закономерно для такой полиэтничной и густонаселенной страны, как Китай.

Трудно не заметить, что на протяжении данного исторического отрезка времени численность тувинского населения постепенно и неуклонно уменьшалась. Отчасти это объясняется политикой жесткого ограничения рождаемости: Китай, насчитывающий уже миллиард триста миллионов человек, испытывает серьезные социально-экономические проблемы, вызванные перенаселением страны. Прокормить население, рост которого во многом «съедает» результаты социально-экономического развития страны, не так просто. В Китае засеивается всего около 120 миллионов гектаров, то есть меньше, чем по 10 соток на человека. В данном случае речь идет не о приусадебном участке, а о зерновом клоне. К тому же индустриализация и урбанизация изымают из сельскохозяйственного оборота почти по миллиону гектаров ежегодно. Это означает, что проблема «человекортов» остается довольно острой. Китайские демографы советовали приступить к ограничению рождаемости сразу после победы революции. Однако глава Компартии КНР Мао Цзэдун был решительным противником этого курса, он утверждал, что, чем больше людей, тем лучше, и предлагал по советскому примеру учредить в стране почетное звание «Мать-героиня».

Официально власти взялись за ограничение рождаемости только после смерти Великого кормчего. В 1980 г. Госсовет КНР ввел в действие лозунг: «Одна семья – один ребенок». Ожидаемый результат подобной демографической политики – удержать численность населения в пределах 1,6 миллиарда человек к 2050 году, когда рост должен прекратиться.

При этом власти все же разрешили представителям национальных меньшинств, численность которых не превышает нескольких тысяч человек, иметь двух детей в семье. За право завести еще одного ребенка нужно заплатить налог в 3200 долларов США – сумма по местным меркам просто запредельная; а за нарушение закона грозит тюремное заключение.

Многие семьи, живущие на периферии, часто рожают детей больше,

чем положено. Они их прячут. Эти дети не ходят в детские сады, не учатся в школах, им не выдают паспорта – то есть они официально как бы не существуют. Правда, кок-мончаки уверяли нас, что это явление не характерно для них; более того, они считают, что им повезло, так как по сравнению с ханьцами – представителями титульной нации им предоставлены более благоприятные условия для увеличения своей численности; в таком дифференцированном подходе они видят заботу Компартии и правительства о будущем малочисленных народов.

Однако как бы привлекательно ни выглядела со стороны такая политика, объективно нет никаких серьезных оснований говорить о расширенном воспроизводстве тувинского населения в Китае. В этом отношении тувинцы Монголии находятся в более выгодном положении, поскольку не испытывают подобных ограничений, поэтому численность их почти вдвое превышает численность кок-мончаков в Китае.

У зарубежных тувинцев до настоящего времени устойчиво сохраняется традиционное деление на родовые группы и подгруппы. При этом каждый род, независимо от численности, делится внутри себя на более мелкие единицы – патронимии.

Родоплеменной состав тувинцев Монголии достаточно подробно описан в литературе, где он дается, как правило, с учетом локализации той или иной этнической группы. Так, у тувинцев Хубсугульского аймака ученые выделяют три основных рода: *соян*, *урат* и *балыкшы*. Кроме них там живут представители более мелких родов, к которым относятся *демчи*, *хойюк*, *тарга* и *найдан*. Этот же родоплеменной состав встречается на территории Тувы, примыкающей к Хубсугульскому аймаку, а именно, в Тоджинском кожууне живут *сояны*, *ураты*, *тарга*, *демчи* и *хойюки*, в Кунгуртуге – *сояны*, *балыкшы* и *хойюки* (Серен 2000:5).

У дархатов, живущих в Хубсугуле вместе с тувинцами, М.Х.Маннай-оол обнаружил ряд этнонимов тувинского происхождения: *кыргыз*, *иргит*, *куулар*, *чооду*, *хоролмай* (1995а:65). Это может лишь подтверждать тезис Г.Н. Потанина о том, что «дархаты стали монголами сравнительно в недавнее время, а прежде были урянхайцами» (1883:22), т.е. тувинцами.

В Кобдоском аймаке тувинцы делят себя на две большие родоплеменные группы – *мончак* и *соян*. Группа *мончак* состоит из родов *иргит* и *хойюк*, *соян* – из *ак соян* и *кара соян*. Каждый род в свою очередь делится на несколько патронимий. По данным С. И. Ванштейна и Э. Таубе, род *иргит* у них имеет патронимии *ак иргит*, *улуг иргит*, *адай иргит*, *моол иргит*, *калчан иргит*, *джод иргит*; род *хойюк* – *кара хойюк*, *хаа хойюк*, *донгак хойюк*, *казак хойюк*, *джанагаши хойюк*, *монгуш хойюк*, *дорвет хойюк*, *чагтыва*, *сарыг чагтыва*, *кара*

чагтыва, кара дарган; соян – кызыл соян, делег, джуджинат, бургууд, агван, сарыг, оюн, шудувак, джирвек; род кара соян – кызыл соян, кара-тош, кара-сал, онгад (1984:234).

Родоплеменной состав тувинцев Баян-Улэгэйского аймака имеет много общего с составом предыдущих двух этнолокальных групп. В частности, у них встречаются группы *соян, мончак* (или кок - мончак) и *хойюк*. Д. А. Монгуш и М. Х. Маннай-оол зафиксировали у них следующие подразделения. Группа *соян*, например, состоит из родов *кара соян* и *ак соян*. *Кара соян* распадается на патронимии *кара-сал, кара-тош, шанагаши, кара саая, хойт, моол ооржак; ак соян* – на *сарыглар, агбан, делег, бургууд, тос-кириш, казак кыргыс, шуудак, оюн*. *Мончак* подразделяется на *ак иргит, шунгуур иргит, адай иргит, чооду иргит, оолет, хойт чагтыва, сарыг чагтыва, кара чагтыва, кызыл соян, делег хойюк*. *Хойюк*, в свою очередь, распадается на *хаа хойюк, монгуш хойюк, шанагаши хойюк, казак хойюк, донгак хойюк, кара хойюк, кор хойюк* (Монгуш 1983:131; Маннай-оол 1995:59).

У тувинцев Китая мы также обнаружили родоплеменные группы *соян* (*ак соян, кара соян, кызыл соян, кок соян*), *хойюк* (*хаа хойюк, кара хойюк, донгак хойюк*), *иргит* (*улуг иргит, бичии иргит*) и *мончак*. Вместе с ними проживает некоторое число представителей групп *ооржак, шанагаши, и чагтыва*. В меньшем количестве встречаются тувинцы, относящие себя к роду *танды, куулар, кара-тош, кара тондуу, кара-оол и оюн*. Есть среди них представители и таких малоизвестных родов, как *бештелик и конгуту* (Монгуш 1997:11).

При сравнении родоплеменного состава трех монгольских и одной китайской этнолокальных групп тувинского населения легко обнаруживается большое сходство между ними. Практически один и тот же состав, за редким исключением, имеют тувинцы Баян-Улэгэйского аймака Монголии и тувинцы Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, что, очевидно, объясняется их территориальной близостью, совместным проживанием и наличием тесных культурных и экономических контактов в более ранний период их истории. Достаточно близки по родоплеменному составу к ним и тувинцы Кобдоского аймака. Тувинцы Хубсугульского аймака близки к жителям Тоджинского кожууна и Кунгуртуга Республики Тыва, что также объясняется близостью их территорий, которые в прошлом не были разделены границей.

Все перечисленные этнонимы монгольских и китайских тувинцев в подавляющем большинстве совпадают с названием родоплеменных групп российских тувинцев, за исключением таких, как *шанагаши, тос-кириш, шуудак, хойт, бештелик, конгуту, чагтыва*, которые не сохранились в

этнонимике основного этноса.

В целом родоплеменной состав у тувинцев Монголии и Китая достаточно пестрый и сложный по своей структуре, но он, тем не менее, позволяет утверждать, что процесс формирования вышеназванных родоплеменных групп и их подразделений некогда был тесно связан с этнической территорией тувинцев. Единство территории в данном случае сыграло роль одного из основных этнообразующих факторов, без которого, как известно, невозможно возникновение любого этноса.

В перспективе родоплеменной состав рассматриваемых нами этнолокальных групп может быть исследован более тщательно и всесторонне специалистами узкого профиля. Мы же ограничились лишь его общим обзором, что соответствует целям и задачам нашего исследования.

2. Этноязыковая ситуация

Этноязыковые процессы являются одной из важнейших составляющих этнических процессов постольку, поскольку язык стоит в одном ряду с основными этническими определителями – этническим самосознанием, хозяйственно-экономическим укладом, спецификой культуры и быта, а также этнопсихологическими особенностями этнофоров (Коровушкин 1997:27).

При изучении языка любого этноса, а тем более этнодисперсных групп, специалисты выделяют три важнейших аспекта: 1) структурный, выражающий изменения лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса и других составляющих языка; 2) функциональный, который понимается как развитие социальных функций языка, соотносимых с различными сферами человеческого общения; 3) поведенческий, состоящий в речевом поведении, которое включает в себя языковую компетенцию (знание языка), речевую деятельность (употребление языка) и психологическую предрасположенность (отношение к языку) (Губогло 1984:17).

В данном разделе эти три аспекта будут рассмотрены в разной степени, как это было сделано в предыдущей главе применительно к тувинцам Российской Федерации, поскольку для изучения этноязыковых процессов характерно смещение акцентов на поведенческую и функциональную стороны исследования. Это объясняется тем, что из всех компонентов культуры именно язык обладает наиболее ярко выраженными этническими свойствами, чем и определяется его чрезвычайно важная роль в жизни этноса. Выполняя коммуникативную функцию, язык служит основным средством накопления и передачи информации от поколения поколению. Важным является также то, что язык помимо всего прочего